

§7 НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Белькова А.А.

РУССКИЙ МИР И ПОЛИТИКА РАЗНООБРАЗИЯ: СТАРООБРЯДЦЫ ВО ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ

Аннотация. В данной работе автор исследует то, как формируется представление о старообрядцах как о политической группе в современной Внутренней Азии. В центре внимания производство политических значений, т.е. характеристики, общественные практики, нормы поведения, признаваемые в публичном пространстве традиционными для старообрядцев. Интерес представляют процессы их формализации и ритуализации, а также отсылки к прошлому, что позволяет в итоге создавать различные группы русского населения в регионе, маркируя их посредством этих традиций. В качестве методологической рамки выбрана конструктивистская теория нации, позволяющая рассмотреть формирование представлений о старообрядцах как о группе. Большинство исследований сосредотачивается на описании традиций семейских, данная же работа впервые анализирует изобретение этих традиций. В итоге автор приходит к выводу о том, что формирование образа традиционной культуры семейских в конечном итоге вписано в государственную политику по управлению межнациональными и межконфессиональными отношениями в регионе.

Ключевые слова: государственная политика, старообрядчество, древлеправославие, семейские, традиции, группа, институты, политика, Внутренняя Азия, Русский мир.

Abstract. This work examines the establishment of idea about the Old Believers as a political group in modern Inner Asia. In the center of attention is the production of political values, i.e. characteristics, social practices, behavioral norms, which are accepted as traditional for the Old Believers in public space. The

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ «Русский мир
в современной Внутренней Азии: политика и идентичность», проект № 15-33-01000

author's interest lies in the processes of formalization and ritualization of these values, as well as references to the past, which as a result allows creating various groups of Russian population in the region, designating them by the virtues of such traditions. The constructivist theory of a nation, which reviews the formation of perception about the Old Believers as a group, is selected as the methodological framework. The majority of research are focused on the description of traditions of the Semeiskie Old Believers; and this work is the first to analyze the creation of these traditions. The author comes to the conclusion that formation of the image of traditional culture of the Semeiskie is finally inscribed into the state policy regarding the management of interethnic and Interconfessional relationships in the region.

Key words: *institutions, group, traditions, Semeiskie, Old Orthodoxy, Old Believers, state policy, policy, Inner Asia, Russian world.*

Русский мир Внутренней Азии как с религиозной, так и с социокультурной точки зрения представляет собой сложное и многообразное явление. Особенный исследовательский интерес вызывает ситуация, сложившаяся вокруг старообрядцев (семейских), поскольку, изучая их, мы можем наблюдать как в данный момент на политическом уровне конструируется многообразие Русского мира в регионе. Особую специфику такая политика приобретает в «пограничных» регионах, т.е. в тех, где сосуществуют крупные этнические группы, а вопросы регулирования отношений между ними находятся в фокусе внимания местных политических сил. Достижение стабильности становится главной целью реализации различных государственных проектов.

Данная работа – результат долговременно-го исследования актуализации государством этнических и религиозных границ как способа управления межнациональными и межконфессиональными отношениями во Внутренней Азии. В центре внимания – политика формирования различий среди русского населения региона. Нас интересует то, как при поддержке государства старообрядческое население региона наделяется отличительными чертами. Именно на уровне государственных органов власти было дано начало этому процессу, а дальнейшее его развитие привело к обособлению этой группы в публичном пространстве. В центре нашего внимания находятся старообрядцы как некая группа, сконструированная органами власти, основные характеристики, признаки которой присутствуют в формальных и неформальных нарративах, существующих в публичной сфере и созданных при активной поддер-

жке на государственном уровне. Эта группа стала операциональным элементом для государственной политики, она вбирает в себя черты и характеристики реально существующих людей, в итоге оказывая на них же влияние через различные действия со стороны государства.

В данной ситуации наибольший интерес представляют механизмы обособления, наделения группы уникальными чертами и свойствами, т.е. собственно ее конструирование, а также факторы, способствующие появлению этих механизмов. Анализ данных процессов будет осуществлен с опорой на конструктивистскую теорию, модель «воображаемых сообществ» Б. Андерсона [1, 2], а также Э. Хобсбаума и Т. Рейнджер [3, 4]. В фокусе внимания не только избранные традиции, но и процесс их формирования: что послужило толчком к его началу, кто является инициатором, как развивались нормы, какое значение они имеют? С одной стороны, семейские как особая группа в анализируемом нами регионе – довольно изученное явление. С другой стороны, все эти исследования проводились при явной или неявной поддержке государства, и собственно формировали современный образ старообрядцев, поэтому в контексте нашего исследования они становятся для нас материалом для анализа.

Таким образом, в данной работе будет изучен процесс формирования институтов включения старообрядцев или семейских в публичный дискурс, характеристики, которыми наделяется эта группа, конструирование временной преемственности, а также участие государственных органов власти в этом процессе. Эта даст возможность четче проанализировать государственную

политику в регионе на современном этапе, ее истоки, формирование, трансформацию, каналы реализации и дальнейшие перспективы.

Кто такие старообрядцы?

В контексте представленного исследования важно выделить объект нашего исследования: номинируемую, создаваемую в данный момент в публичном пространстве группу людей, проживающих на территории Внутренней Азии. Соответственно необходимо рассмотреть связь этой группы со старообрядцами в регионе как реальным явлением.

Старообрядцы как группа появились после церковной реформы Никона XVII в. Это люди, отказавшиеся принять нововведения в рамках реформы и вошедшие в конфликт с Русской православной церковью и с официальными властями в целом. Они преследовались и в итоге многие бежали в Польшу, где обосновались, занимаясь экономически успешной деятельностью, что позволяло им привлекать новых гонимых последователей. В итоге их после отказа в возвращении Российское государство с помощью военной силы в 1735 г. и 1764 г. выселило староверов с территории Польши и сослало в Сибирь, а именно в Забайкалье. Этот проект также с точки зрения государства должен был решить проблему колонизации удаленных земель. Переселенные люди были объединены в небольшие группы, семьи, что сыграло роль в появлении местного названия группы – «семейские». В дальнейшем группа переселенцев не оставалась однородной, к ней добровольно присоединялись другие члены (крестьяне-единоверцы, беглые ссыльные и т.д.), но их по-прежнему объединяла общая идея групповой идентичности. Они противопоставляли себя своим преследователям, считая себя истинными верующими [5].

Внутри старообрядцев сразу же возникли разногласия по поводу порядков совершения религиозных обрядов – основного объединяющего их признака. Кроме всеобщего распространенного для старообрядцев деления на поповцев и беспоповцев у местных староверов со временем появилось множество толков: идолопоклонники, землепоклонники, песочники, бегуны, бело-

кринцы, самочинцы, перемазанцы, общинники, необщинники, темноверцы, светловверцы и пр. [6] В итоге изнутри по религиозным вопросам группы не была гомогенна практически с самого появления в регионе.

Важнейшей характеристикой, объединяющей эту группу, было скорее противопоставление внешней среде: членам группы важнее было подчеркнуть свою «неправославность», а также отличие от местного монголоязычного населения. Со временем эти границы закрепились в повседневных действиях и обрядах. Например, в норме, требующей при необходимости предлагать еду и питье для несемейских в специальной посуде, которую хранили отдельно от основной [7].

Политическая актуализация

Появление современного понимания старообрядцев или семейских как особой этнической группы, наделенной определенными характеристиками, тесно связано с большим государственным проектом по упорядочиванию этничностей и религиозных групп в регионе. Этот процесс был запущен еще в 1990-е гг., когда в публичном пространстве при инициативе со стороны государственных органов власти начала оформляться концепция «Бурятия – территория межнационального и межконфессионального мира и согласия». Подразумевалось, что угроза межэтнических конфликтов должна стать минимальной, т.к. существуют традиционные для данной территории этнические группы, мирно сосуществующие друг с другом на протяжении большого периода времени. В итоге эта концепция должна была выделить традиционные этничности, за которыми естественным образом подразумевалась способность к мирному сосуществованию друг с другом. Любые конфликтогенные факторы в этой сфере выводились во вне: ими наделялись «нетрадиционные» этнические группы.

К середине 1990-х гг. постепенно сформировался круг людей, отвечающих за формирование этих норм и их трансляцию в публичной сфере: это представители различных государственных органов, политики, а также эксперты, прибли-

женные к органам власти. Появляются официальные документы, закрепляющие эти нормы, формируются специальные органы власти, занимающиеся подобными вопросами, а также неформальные организации, существующие при государственных органах власти (экспертные советы). В 1997 г. в первый состав экспертно-консультативного совета по делам религий при правительстве республики Бурятия вошел член Верхнеудинской старообрядческой общины (представитель Русской православной старообрядческой церкви).

Этничность в данной ситуации тесно связывается с религиозностью, более того, их границы практически отождествляются. В итоге еще в середине 1990-х гг. начался процесс распределения этничности и конфессиональной принадлежности в регионе. За русским населением закрепляется православие, за бурятским – буддизм и шаманизм. Старообрядцы в данной ситуации стоят особняком – здесь конфессиональная принадлежность была основной объединяющей характеристикой группы, поэтому появилась необходимость в определении границ и признаков собственно этнической группы. Но в любом случае, это разделение на группы с религиозной принадлежностью было официально закреплено еще в 1997 г. в законе республики Бурятия о религиозной деятельности: «в Республике Бурятия исторически сложившимися конфессиями и верованиями являются Буддийская традиционная сангха России, древлеправославие, православие и шаманизм» [8].

Таким образом, древлеправославие было объявлено традиционным для данной территории, а те, кто его исповедуют, были поставлены в один ряд с другими крупными этническими группами. Ее внутреннее деление было сразу оговорено и закреплено как характеристика, мешающая воспринимать старообрядцев как нечто целое. В концепции государственно-церковных отношений было прописано: «к традиционным верованиям Бурятии следует отнести и древлеправославие, также имеющее глубокие исторические корни в республике. Появление древлеправославия относится к середине 18 века. В республике древлеправославие, или старообрядчество, представлено несколькими

согласиями и направлениями» [9]. При этом сейчас Русская древлеправославная церковь и Русская православная старообрядческая церковь – это отдельные организации, представляющие разные толки старообрядчества. Русская древлеправославная церковь начинает свой отсчет с 1923 г., когда в Саратове Саратовский архиепископ Никола Позднев стал епископом и с 1924 г. начинается создание внутренних органов и формирование РДПЦ в современном виде [10]. Однако в текстах, описывающих религиозную ситуацию в изучаемом регионе, старообрядчество и древлеправославие часто употребляются как взаимозаменяемые термины: «в августе 1911 г. решением Освященного собора Древлеправославной церкви была создана Иркутско-Амурская, Забайкальская и всего Дальнего Востока епархия» [11, С. 33]. При этом Русская православная старообрядческая церковь относится и Русская древлеправославная церковь – это две разные конкурирующие структуры.

Эта система норм закрепила и получила развитие в практике прямого участия представителей этих традиционных групп в оценке и выдаче лицензий т.н. «новообразованиям», т.е. тем, кто не принадлежит к традиционным группам. Здесь опять на первый план выходит конфессиональная принадлежность, как неотъемлемая характеристика выделенных групп, а новообразования, т.е., некие чужеродные регионы региональной культуре и обществу элементы, это прежде всего конфессиональные новообразования [8]. Во множестве документов этого периода закрепляется курс на прямое взаимодействие государства и представителей выделенных традиционных групп: ассоциаций, различных организаций их представляющих, и в первую очередь религиозных организаций.

В 2000-е гг. с усилением центральной власти, стандартизации формальных правил государство отстраняется от продвижения проекта «традиционные группы населения», поскольку в новых условиях он становится подчеркнуто нетолерантен к тем, кто составляет группу нетрадиционных. Прокуратура находит в ранее принятых формальных нормах несоответствие федеральному законодательству и все противоречащие пункты исключаются, а государство на

формальном уровне приостанавливает активное воздействие на этническое и конфессиональное пространство республики. Однако к концу 2000-х гг. снова начинают набирать тенденции к внедрению концепта традиционности, соответственно снова появляется необходимость в более четком описании на публичном уровне старообрядцев как некой исторически сложившейся единой укорененной группы, стоящей на одном уровне с другими традиционными группами населения региона.

Составные части традиции?

Представление о традициях семейских формируются как в региональных СМИ, так и академическими экспертами на основе определенного набора составляющих. К ним относятся и материальные, и духовные элементы: язык, пение, костюм, жилище и прочее.

Один из факторов, позволяющих людям причислять себя к членам какой-либо национальной группы, является язык. Способность говорить на одном языке становится мощным объединяющим фактором и в то же время дает возможность обособить себя от других. Прежде считалось, что старообрядцы уникальны как группа прежде всего благодаря своей вере, но с 1990-х гг. начинается всплеск полемики вокруг уникальности языка, на котором они говорят. Если сначала речь семейских осторожно номинируют говором, т.е. вариацией русского языка, то позже ее все чаще называют собственно языком [12, 13]. Таким образом, в политическом пространстве региона семейские становятся отдельной этнической группой, которых связывает в том числе язык, на котором они говорят.

Стандартизация языка происходит на основе обращения к историческому материалу: названиям сакральных предметов (подразумевается, что они неизменны на протяжении столетий), сохранившимся историческим документам, содержащим информацию о повседневной жизни старообрядцев в регионе: ведомостям, книгам учета, различным отчетам, в большинстве своем датирующимся XIX – нач. XX в., записям современной живой речи. Полученные материалы оформляются в словари, распространяются как

«исконно русская речь» [14, С. 372]. При этом в словари включаются неологизмы XX в., например, «салахван», т.е. целлофан [14, С. 372].

Еще один нематериальный элемент семейской культуры, тесно связанный с языком, – пение. Исполнение песен, чаще всего в составе небольших ансамблей, также позиционируется как укорененная традиция, характеризующая семейских. В большинстве проанализированных материалов прослеживается толерантное отношение к новым песням, т.е. нет четкого требования о старинности самих текстов. Но при этом всегда присутствует апелляция к некоему «поэтическому опыту», накопленному на протяжении веков [15, С. 398]. Именно он позволяет сочинять сегодня «традиционные» песни, а их совместное хоровое исполнение в народных костюмах, еще больше подчеркивает традиционность пения. Практика пения последние 20 лет активно поддерживается органами власти: финансируются программы поддержки ансамблей, устраиваются конкурсы, а сами исполнители презентуются как те, кто отстаивает имидж региона и показывает местную самобытную культуру [16].

Из материальных составляющих традиций семейских выделяются костюм и внешний вид дома.

Национальный костюм сейчас является одним из важнейших элементов формируемой культуры семейских. Это один из основных маркеров, их номинирующих. Он всегда используется на различных фестивалях, выступлениях, особенно в ситуациях, где присутствуют другие участники в национальных костюмах. Речь идет в первую очередь о женском костюме. Он узнаваем, потому что всегда яркий (хотя цвета могут меняться), выглядит как подпоясанный под грудь сарафан на тонких бретелях, на его подоле нашиты яркие атласные ленты, а с ним в комплекте надеваются несколько ниток бус. Остальные характеристики могут меняться: цвет, фактура, покррой. Однако сам костюм в публичном пространстве преподносится, как один из основных элементов «древней русской национальной культуры» [17, С. 4]. Традиционность костюма даже обосновывалась протестом против официальных властей во время раскола и возможностью не соблюдать указы Петра I о

ношении европейского платья [18, С. 235]. Некоторые тексты удревляют концепцию костюма до языческого периода Руси [19, С. 397]. А сами костюмы часто выступают как материальное наследие, передающееся из поколения в поколение как «хранящаяся в сундуках одежда прошлых веков» [20, С. 8].

Один из самых популярных экспонатов Этнографического музея народов Забайкалья – реконструированные въездные ворота, вывезенные из с. Новая Брянь Заиграевского района Бурятии. Они ярко расписаны и постепенно стали символом семейской культуры. Домовая роспись также презентуется как традиционный элемент культуры старообрядцев. Известные яркие примеры домой росписи датируются XIX–XX вв., поэтому традиционность обычно подчеркивается через образы и элементы рисунков. «Архаический смысл оберега», «старославянские традиции изображения Солнца» [21, С. 306], «древние связи с украинским искусством» [22, С. 501] и другие характеристики домовой росписи нацелены на то, чтобы подчеркнуть, что в ее основе лежат древние традиции.

В 2015 г. в Улан-Удэ при поддержке правительства республики Бурятия был издан интересный документ, в краткой форме отражающий все основные традиции семейских, которые были сформулированы и закреплены за этой группой к сегодняшнему дню – методические рекомендации «Сохранение традиций семейского быта» [20]. «В основе старообрядческой повседневности лежат многовековые традиции культуры и быта <...> теперь необходимо направить все силы на воспроизводство традиции, на обеспечение перспективы» [20]. Главная задача описания практик, обозначаемых как традиции, – обосновать их связь с историей, преемственность. Но связь эта часто представляет лишь отсылку к старой ситуации или повторение, а через него создание себе прошлого [4, С. 48], поэтому они и называются «изобретенными традициями».

Какие элементы семейской культуры перечислены в этом документе? Во-первых, «архитектура, внешний вид и убранство усадьбы, домашнее убранство и домовая роспись». Описание практик обустройства жилища содержит в большинстве своем перечисления типичных элементов и характеристик крестьянского жилища в регионе, но по тексту они снабжаются отметками о особенностях, характерных именно для старообрядческой культуры, а также указания на их традиционность: «согласно традиции», «традиционно», «глубокие знания лучших традиций предшествующих поколений», «многовековое существование» и т.д. Во-вторых, «ведение домашнего хозяйства». Здесь тоже описание насыщено отсылками к прошлому и обоснованием исторической преемственности: от использования телег, до выращивания огорода (даже выращивая кабачки, появившиеся в середине XX в. семейские используют традиционные приемы, которые повторяют из года в год). Также отдельными пунктами списка идут «традиционная одежда», «народные промыслы и ремесла» и «традиционная кухня». Перечисление их составляющих также подчеркивает связь с прошлым. Исходя из текста, они сохраняют эстетику прошлого, продолжают его традиции. Высказываются сожаления об утрате отдельных составляющих и радость от их восстановления. Наконец, еще один элемент семейской культуры, описанный в документе, – это «семейные традиции». В их числе перечислены практики взаимоотношений, принятых среди старообрядцев, которые также часто упоминаются и в других материалах не в качестве семейных, а в роли общих норм и характеристик нематериальной семейской культуры: патриархальность, «духовная чистота», всеобщее участие в обрядах и ритуальных практиках и пр. Все эти составляющие и стали на сегодняшний день главными маркерами семейской культуры в публичном пространстве.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.
2. Anderson B. Imagined Communities. – New. – London, New York: Verso, 2006. 240 с.
3. The Invention of Tradition / E. Hobsbawm, T. Ranger, ed. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1983. 322 с.

4. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. №1. С. 47-62.
5. Humphrey C. Schism, Event, and Revolution: The Old Believers of Trans-Baikalia // Current Anthropology. Vol. 55, №10, The Anthropology of Christianity: Unity, Diversity, New Directions (December 2014), P. 216-225.
6. Васильева С.В. Старообрядцы Забайкалья [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://window.edu.ru/resource/621/50621/files/bsu11.pdf>, С. 58-63.
7. Павлов В. А. История старообрядческого села Новосретенка / В. А. Павлов, Ю. В. Павлова. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2007. 142 с.
8. О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия: [закон Республики Бурятия от 23 декабря 1997 г. № 610-I] // Бурятия. – 1998. – 16 января.
9. О Концепции государственно-церковных отношений в Республике Бурятия: [указ Президента Республики Бурятия от 21 мая 1996 г. № 183] // [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.buryatlaws.ru/index.php?ds=999660>.
10. Официальный сайт Русской древлеправославной церкви [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://ancient-orthodoxy.narod.ru/istor.htm>
11. Васильева С.В. Древлеправославное духовенство в условиях трансзиатского пограничья // Православие и дипломатия в странах азиатско-тихоокеанского региона Материалы международной науч.-практ. конф. (29.01.2015-30.01.2015, Улан-Удэ). – Улан-Удэ: изд-во Бурятского госуниверситета, 2015. – С. 32-38.
12. Юмсунова Т.Б. Лексика говора старообрядцев (семейских) Забайкалья. – Новосибирск: изд-во Новосибирского госуниверситета, 1992. 196 с.
13. Юмсунова Т. Б. Язык семейских – старообрядцев Забайкалья. – М.: Языки славянской культуры, 2005. 288 с.
14. Солодухина О.А. Лексика говора села Большой Куналей Тарбагатайского района Республики Бурятия (материалы для 2-го издания «Словаря говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья») // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы V международной науч.-практ. конф. (31 мая-1 июня 2007 г., в г. Улан-Удэ). – Улан-Удэ: изд-во Бурятского госуниверситета, 2007. С. 372-378.
15. Матвеева Р.П. Фольклорное наследие в народной культуре старообрядцев Бурятии (семейских) // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы V международной науч.-практ. конф. (31 мая-1 июня 2007 г., в г. Улан-Удэ). – Улан-Удэ: изд-во Бурятского госуниверситета, 2007. С. 297-403.
16. Ансамбль семейских из Тарбагатая и дуэт исполнителей горлового пения из Бурятии приняли участие в фестивале «Все краски России» во Франции // Официальный сервер органов государственной власти Республики Бурятия [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://egov-buryatia.ru/index.php?id=4&print=1&no_cache=1&tx_ttnews%5Btt_news%5D=29988.
17. Семейские Забайкалья // Межрегиональный общественно-политический журнал «Байкал-гео». 2007. №10(25), июнь-июль. С. 4.
18. Павлова Ю.В. Женский костюм семейских с. Новосретенка Бичурского района Республики Бурятия // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы V международной науч.-практ. конф. (31 мая-1 июня 2007 г., в г. Улан-Удэ). – Улан-Удэ: изд-во Бурятского госуниверситета, 2007. С. 234-238.
19. Кузнецова С.Г. Традиционный семейский костюм как художественный и этнографический объект // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 6 (37). С. 394-399.
20. Методические рекомендации по сохранению семейского быта [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://xn--80aab7afbga0a3d.xn--p1ai/files/001/Semeyski_byt.pdf. 12 с.
21. Зандраев А.Ч. Исследование росписи семейских Забайкалья на современном этапе // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. №10. С. 306-309.
22. История Бурятии. В 3 т. Т. II. XVII-начало XX в. – Улан-Удэ: изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 624 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Anderson B. Voobrazhaemye soobshchestva. – М.: Kanon-Press-Ts, Kuchkovo pole, 2001. 288 s.
2. Anderson B. Imagined Communities. – New. – London, New York: Verso, 2006. 240 s.
3. The Invention of Tradition / E. Hobsbawm, T. Ranger, ed. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1983. 322 s.

4. Khobsbaum E. Izobretenie traditsii // Vestnik Evrazii. 2000. №1. S. 47-62.
5. Humphrey C. Schism, Event, and Revolution: The Old Believers of Trans-Baikalia // Current Anthropology. Vol. 55, №10, The Anthropology of Christianity: Unity, Diversity, New Directions (December 2014), P. 216-225.
6. Vasil'eva S.V. Staroobryadtsy Zabaikal'ya [Elektronnyi resurs] / Rezhim dostupa: <http://window.edu.ru/resource/621/50621/files/bsu11.pdf>, S. 58-63.
7. Pavlov V. A. Istoriya staroobryadcheskogo sela Novosretenka / V. A. Pavlov, Yu. V. Pavlova. – Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 2007. 142 s.
8. O religioznoi deyatel'nosti na territorii Respubliki Buryatiya: [zakon Respubliki Buryatiya ot 23 dekabrya 1997 g. № 610-I] // Buryatiya. – 1998. – 16 yanvarya.
9. O Kontseptsii gosudarstvenno-tserkovnykh otnoshenii v Respublike Buryatiya: [ukaz Prezidenta Respubliki Buryatiya ot 21 maya 1996 g. № 183] // [Elektronnyi resurs] / Rezhim dostupa: <http://www.buryatlaws.ru/index.php?ds=999660>.
10. Ofitsial'nyi sait Russkoi drevlepravoslavnoi tserkvi [Elektronnyi resurs] / Rezhim dostupa: <http://ancient-orthodoxy.narod.ru/istor.htm>
11. Vasil'eva S.V. Drevlepravoslavnoe dukhovenstvo v usloviyakh transaziatskogo pogranich'ya // Pravoslavie i diplomatiya v stranakh aziatsko-tikhookeanskogo regiona Materialy mezhdunarodnoi nauch.-prakt. konf. (29.01.2015-30.01.2015, Ulan-Ude). – Ulan-Ude: izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta, 2015. – S. 32-38.
12. Yumsunova T.B. Leksikagovora staroobryadtsev (semeiskikh) Zabaikal'ya. – Novosibirsk: izd-vo Novosibirskogo gosuniversiteta, 1992. 196 s.
13. Yumsunova T. B. Yazyk semeiskikh – staroobryadtsev Zabaikal'ya. – M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2005. 288 s.
14. Solodukhina O.A. Leksikagovora sela Bol'shoi Kunalei Tarbagataiskogo raiona Respubliki Buryatiya (materialy dlya 2-go izdaniya «Slovyar'ya govorov staroobryadtsev (semeiskikh) Zabaikal'ya») // Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi: materialy V mezhdunarodnoi nauch.-prakt. konf. (31 maya-1 iyunya 2007 g., v g. Ulan-Ude). – Ulan-Ude: izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta, 2007. S. 372-378.
15. Matveeva R.P. Fol'klornoe nasledie v narodnoi kul'ture staroobryadtsev Buryatii (semeiskikh) // Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi: materialy V mezhdunarodnoi nauch.-prakt. konf. (31 maya-1 iyunya 2007 g., v g. Ulan-Ude). – Ulan-Ude: izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta, 2007. S. 297-403.
16. Ansambl' semeiskikh iz Tarbagataya i duet ispolnitelei gorloвого peniya iz Buryatii prinyali uchastie v festivale «Vse kraski Rossii» vo Frantsii // Ofitsial'nyi server organov gosudarstvennoi vlasti Respubliki Buryatiya [Elektronnyi resurs] / Rezhim dostupa: http://egov-buryatia.ru/index.php?id=4&print=1&no_cache=1&tx_ttnews%5Btt_news%5D=29988.
17. Semeiskie Zabaikal'ya // Mezhhregional'nyi obshchestvenno-politicheskii zhurnal «Baikal-geo». 2007. №10(25), iyun'-iyul'. S. 4.
18. Pavlova Yu.V. Zhenskii kostyum semeiskikh s. Novosretenka Bichurskogo raiona Respubliki Buryatiya // Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi: materialy V mezhdunarodnoi nauch.-prakt. konf. (31 maya-1 iyunya 2007 g., v g. Ulan-Ude). – Ulan-Ude: izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta, 2007. S. 234-238.
19. Kuznetsova S.G. Traditsionnyi semeiskii kostyum kak khudozhestvennyi i etnograficheskii ob'ekt // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2012. № 6 (37). S. 394-399.
20. Metodicheskie rekomendatsii po sokhraneniyu semeiskogo byta [Elektronnyi resurs] / Rezhim dostupa: http://xn--80aab7afbga0a3d.xn--p1ai/files/001/Semeyskiy_byt.pdf. 12 s.
21. Zandraev A.Ch. Issledovanie rospisi semeiskikh Zabaikal'ya na sovremennom etape // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2015. №10. S. 306-309.
22. Istoriya Buryatii. V 3 t. T. II. XVII-nachalo XX v. – Ulan-Ude: izd-vo BNTs SO RAN, 2011. 624 s.